тобиографический герой, нередко писатель примеряет на себя самые разные маски, проза приобретает черты драматургии, ее очень легко представить на театральных подмостках.

Я видел замечательный спектакль Северодвинского драматического театра «Чтобы не было забыто, что было на войне», сквозной линией в нем проходит инсценировка рассказа Валерия Чубара «Зинь-зи-вер». Актриса Анна Венгерович трепетно и откровенно сыграла историю женщины, пережившей войну, которая безжалостно прошлась по ее судьбе.

Вот юная девчонка на первом свидании: восторг, влюбленность, осознание своего бесконечного счастья. Затем мы видим блокадный Ленинград: страшный голод, все мысли о том, как сохранить детей, уберечь их от неминуемой гибели. Героине не дает покоя подслушанный разговор в очереди за хлебом: одна женщина спокойно говорила другой, что решила перестать кормить одного из детей, чтобы спасти хотя бы более сильного. Эта мысль засела глубоко и чуть было не осуществилась – много лет героиня казнит себя за это, просит прощения у взрослой дочери за проявленную слабость. А дочь не разрешает ей плакать, вспоминая о войне, – сколько можно! А как же забыть?!

И вот перед зрителями уже глубокая старушка, почти потерявшая память, но вдруг в ее сознании воскресает то, что забыть невозможно… Актриса убедительно представляет разные ипостаси своей героини, находит нужную интонацию, подбирает выразительный пластический рисунок роли, и поразительный по силе своего воздействия рассказ находит адекватное сценическое воплощение.

Мне самому доводилось ставить в руководимом мной студенческом театре «Балаганчик» спектакль по неординарной пьесе Валерия Чубара «Выборы», любезно предоставленной автором нашему творческому коллективу. Пьеса состоит из двух частей, между собой как будто не связанных. Персонажам приходится делать важный, определяющий их судьбу выбор: между долгом и призванием, между добром и злом, буквально между Богом и Дьяволом. Форма у пьесы подчеркнуто абсурдная, ироничная, содержание – сугубо серьезное, реалистичное. И яркая, всепоглощающая театральность действа. Эти черты присущи и прозе, и поэзии писателя.

Елена Галимова в предисловии к книге стихов Валерия Чубара «Одинокое слово» (Архангельск, 2021) в качестве «двух главных черт, двух свойств созданного им художественного мира» называет романтизм и театральность. А.Семаков в предисловии к книге рассказов и повестей Чубара «Конюшня Анны» (Архангельск, 2011) пишет: «Драматизм – вот слово, которое, на мой взгляд, точнее всего характеризует прозу Валерия Чубара».

Соглашусь, но, пожалуй, добавлю еще одну характеристику, которая, впрочем, может восприниматься как неизбежная производная от названных выше, – это напряженная тревожность. Она присуща всему творчеству Валерия Чубара: и поэтическому, и прозаическому, и драматургическому.

Даже в светлых, добрых, лиричных, домашних произведениях, как например, «Расскажи мне сказку», без напряженной тревожности не обходится. И эта тревога не от паники, не от безысходности, она от неравнодушности, от искренней заинтересованности, от взволнованной сопричастности, от принципиальной гражданственности.

Важно, что Валерий Чубар по роду основной деятельности журналист, радийщик, публицист, непрерывно держащий руку на пульсе действительности. Он автор и ведущий передачи о театре и кино «Первый ряд», сам имеющий немалый театральный опыт: был и актером, и заведующим литературной частью театра. Он активно участвует в литературной жизни, является членом правления региональной писательской организации, редколлегии областного литературного журнала «Двина», экспертного совета Всероссийской литературной премии «Чистая книга» имени Федора Абрамова. Вся эта многогранная деятельность, конечно же, накладывает отпечаток на художественное творчество писателя

Роман Валерия Чубара «Сон на закате» (Архангельск, 2012) – значительное явление в литературе. Это роман-катастрофа, роман-предостережение, роман-притча, яркий по форме, глубокий по содержанию. В аннотации приводятся слова автора: «В любой книге – часть души ее создателя. В этот роман я постарался вложить всю свою душу целиком».

Эти же слова, думаю, в полной мере относятся и к этой его книге – книге избранной прозы «Солнышко на плече». В ней отразились открытая душа и беспокойное сердце талантливого писателя и замечательного человека. Такая книга не может не найти отклика в сердцах и душах неравнодушных читателей.

тишь, синеватый по вечерам снег, ночью звездная россыпь, покойничьи белая луна над черным гребнем кедровых вершин – и, протопив русскую печь, сварив некорыстное хлебово, читал «Раскол» Владимира Личутина – жил в русском средневековье и светло, и грешно, и трудясь, и молясь, и каясь во грехах, да и не приметил, как истаяла ночь, засинели оледенелые окошки, сморил сон» *(«Река русской судьбы»)*. Но, похоже, это народ наш вымирающий сморил сон, точнее, морок, который и сбросить-то можно только уйдя в лесную глушь, на берег великой или малой сибирской реки, в степь безбрежную… или… в библиотеку, где ещё стоят книги хранителей русского слова, к коим я с почтением отношу Анатолия Байбородина. Уйти и подумать его словами, что созвучны многим мыслящим: «Вековечная труженица Сибирь содержала всю Россию, и нередко с великой надсадой, как великой кровью и защитила Россию в Отечественной войне. А как ныне выживает Сибирь и, перво-наперво, сибирское село?..».

Многие из людей верят и знают, что есть рядом с нами ангелы-хранители, многие читатели российские знают, что есть в литературе авторы-хранители. Анатолий Байбородин один из них.

г. Тюмень

Изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи:
Господи, услыши гласъ мой.
Да будут уши Твои внемлющѣ
гласу моления моего.
Псалом 129

Никита БРАГИН

Глас ко Господу

Рассказ Натальи Мелёхиной «По заявкам сельчан»

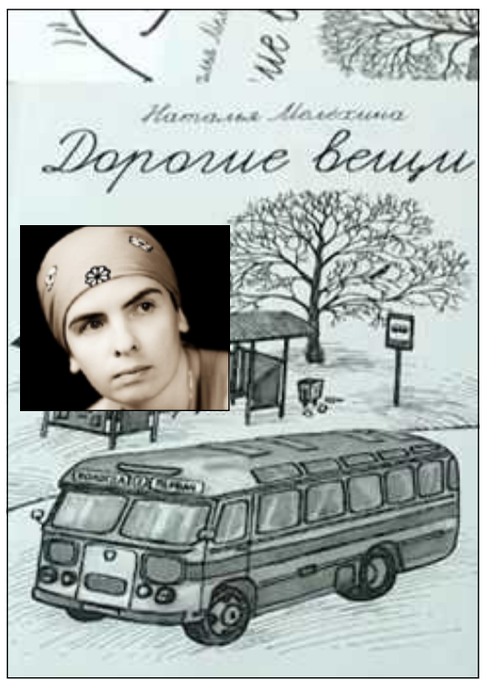
Книгу рассказов Натальи Мелёхиной «Дорогие вещи» (2016) я открыл с надеждой прочесть что-то новое и свежее среди потоков застарелого постмодернизма, перемежаемого надоевшими любовными, криминальными или мистическими сюжетами сугубо развлекательного свойства. И был вознагражден – первый же рассказ оказался и свеж, и интересен. Прочтя второй, я отложил книгу ненадолго и задумался. Потом, вернувшись к книге, прочел рассказ «По заявкам сельчан» вслух, последовав старой традиции семейного чтения, к сожалению, почти забытой ныне. И после этого прочтения, взволновавшего душу, задумался еще сильнее. Сейчас я хочу предложить вам итог своих раздумий.

Из всех драматических жанров самым сложным представляется трагикомедия. Мольер всю жизнь мечтал создать великую трагикомедию, но так и не смог, слишком труден был путь к его мечте. Как соединить непротиворечиво и гармонически столь разные чувства, как горе и веселье, смех и крик боли? Они противостоят друг другу, и их совмещение кажется неискушенному взору неестественным. Но задумаемся и представим такую картину. Идет по улице человек, и вдруг, нелепо взмахнув руками, шлепается ничком в лужу, разбрасывая вокруг себя грязные брызги. Кому-то это зрелище может показаться смешным. А если этот человек незадолго до происшествия узнал горестную, поразившую его весть? Вот он идет наедине со своим горем, с трудом несет его, и в какой-то момент падает под гнетом креста своего, ибо сердце его, подобно сердцу короля Лира, не вынесло тяжести и остановилось…

Этот простой жизненный пример показывает, во-первых, естественность трагикомического, что так часто и так просто случается в жизни, во-вторых, сложность передачи этого естественного. Последнее становится понятным, если помнить, что цель искусства – не выдумка, не фантазия, а сама жизнь во всей ее сложности, и не только изображение этой жизни, но и преображение, но и сотворение ее. Однако в наше время литература, как зарубежная, так и наша, переполнена либо развлекательным сочинительством, либо умозрительными конструкциями с претензией на философствование. А жизнь в ее полноте, многогранности, контрастности вкусить со страниц книги удается не часто. Но тем счастливее эти редкие миги.

Спусковой механизм сюжета рассказа Натальи Мелёхиной сам по себе комичен и даже анекдотичен, хотя и срабатывает в таком окружении, где смех кажется неуместным. Вот, смотрите – огромное пространство северной, зимней, холодной, лесной России. Где-то светят звёзды, где-то волки воют, где-то поезд гремит по рельсам в заснеженном просторе без границ. А среди этого бесприютного безлюдья разбросаны деревни, те самые, что в свое время передовая академическая наука отнесла в разряд неперспективных, обрекая на постепенное вымирание. К настоящему времени множество таких деревень уже полностью исчезло. Некоторые сохранились, но жизнь в них чувствуется только летом – приезжают горожане, купившие дома и участки, привозят своих детей. А зимой эти дома закрыты, разве что в одной избе есть свет – там проводит зиму сторож. В общем, юдоль земная, юдоль печали.

Но, как вы все, несомненно, знаете, в нашей стране немало истинных слуг народа, непрестанно радеющих о повышении благосостояния и вообще заботящихся о прогрессе и процветании. В чью-то светлую голову пришла благородная и мудрая мысль – помочь сельчанам, наладить для них современную, надежную и бесперебойную связь, чтобы труженики села больше не были изолированы от остального прогрессивного человечества. И поставили в деревнях ярко-красные телефонные будки – заходи, земляк, вставляй, куда следует, специальную карточку, и звони, хоть в Дубай, хоть в Брисбен, хоть самому президенту какой угодно страны. Двадцать первый век на дворе. И неважно, что карточек этих особенных ни у кого в деревне нет, и что пользоваться ими никто не умеет, и что иная будка стоит там, где и бревен от старых срубов уже не видать. Деньги освоены, отчеты приняты, и с плеч долой, и теперь можно даже бесплатными сделать звонки, ибо бюджетные средства на содержание этих телефонов идут исправно. И красуется одинокая новенькая телефонная будка среди девственных сугробов Вологодчины как воплощение абсурда нашего бытия…



Но, как чеховское ружье должно выстрелить, так и из этой будки должны позвонить. Только кто же будет звонить, и кому? В рассказе всего двое действующих лиц. Это Вадим, сторож, местный житель средних лет, прошедший первую чеченскую компанию, пострадавший от контузии и живущий бобылем в полузаброшенной деревне. И старичок Женя Иванов, деревенский дурачок из соседней деревни, уже полностью исчезнувшей. Случай сводит их вместе – сбежал Женя из психлечебницы, и по пути в свою деревню, которая в его представлении все еще продолжает существовать со всеми ее жителями, приткнулся к Вадиму, который его и приютил на ночь.

Зима кругом, темно, холодно, но в старой избе топится печь, и даже баня истоплена, и двое заброшенных судьбой в эту юдоль земную разговорились, конечно. Заходит речь и о приметной будке посреди деревни – что это, спрашивает Женя. Телефон. А куда позвонить можно? Тут Вадим и отшучивается – это, де, прямо к Господу Богу. Почти как в анекдоте про телефон израильского премьера – и совсем недорого, местная линия, понимаешь. Ерничает Вадим, а не знает, что привел в движение…

Разговор с Богом. А ведь это формула поэзии. В наше время такое определение стало общепринятым, просто даже расхожим, клишированным – сколько известных людей повторило его, трудно припомнить. Но сквозь естественную в этой ситуации улыбку чувствуешь холод высокого Бытия, страх Божий… И понимаешь, что свершится это чудо, разговор с Господом, и что говорить будет этот самый деревенский дурачок Женя Иванов, только он, именно он. Ведь так определено на веки веков нашей, русской культурой, мы именно таких дурачков называли Божьими людьми, ведущими свое духовное родство от Алексия, человека Божия, и только такой, как Женя, мог во время оно сказать грозному властителю, что нельзя, нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит. И потому кто как не он, призван говорить со Спасителем?

И еще одно – он, этот умственно неполноценный, согласно психиатрическому диагнозу, он и только он, словно новорожденный младенец, безгрешен в этом страшном мире. Где-то гремит война, где-то отзвук давнего боя врывается в полусон, полубред покалеченного солдата, где-то пьют, то ли с горя, то ли от бессмысленности окружающего, где-то плачет больной ребенок, где-то хрипит умирающий старик… А он, дурачок Женя, оправдывая русскую пословицу о том, что не стоит село без праведника, чистым тенором поёт песни Вадиму в благодарность за приют и угощение…

Он и раньше пел, можно сказать, всю жизнь пел своим прекрасным голосом, дарил людям радость, и в этом было его служение Богу и миру. Наверное, это идеал человека искусства, идеал практически неосуществимый в наше время, и оттого особенно прекрасный. Пой для людей, неси им счастье – и они обязательно станут лучше – пусть немного и ненадолго, но станут.

Когда в финале рассказа Вадим находит Божьего человека Женю в красной телефонной будке, одиноко стоящей на месте давно погибшей деревни, наступает потрясение, совершается катарсис. Ибо Женя не только разговаривает с Богом, но и просит Его передать концерт для сельчан, и поёт в телефонную трубку песню за песней – те, что всю жизнь пел он. Понимает ли он, что его песни улетают в запредельность, в Царство Небесное? Наверное, понимает. И вот, вершится невероятная мольба, этот потрясающий de profundis, и не под сводами величественного храма, а в смешной маленькой будке, но значение происходящего таково, что возвышает комическую сценку до откровения.

Но еще важнее то, что рядом совершается еще одно чудо. Вадим, этот очерствевший, покалеченный судьбой, потерявший семью человек становится другим. Мы понимаем, что он никогда не выдаст Женю, не отдаст его в «дурку», что он приютит его у себя навсегда. Мы чувствуем, как у Вадима пробуждается душа, и вместе с ним возносимся ввысь вслед за гласом, взывающим из бездны к Богу. И пробуждение души Вадима, великое таинство преображения человека – знак всем нам, что глас сей услышан.

Этот странный Пронин...

Наталья ЧИСТЯКОВА

О новой книге Виктора Пронина «Кинжал для левой руки»

Творческая биография Виктора Пронина действительно может показаться странной. Начинал он с вполне благопристойной прозы, первый же его роман "Особые условия", написанный на сахалинском материале, оказался победителем всесоюзного конкурса на лучшее произведение о рабочем классе – в те времена это была очень серьёзная премия, вручали её в Колонном зале Дома Союзов с нагрудным знаком и конвертом. Второй роман, уже психологического замеса, удостоился восторженной рецензии в "Новом мире", в том ещё "Новом мире". Казалось бы, дорога в будущее проложена и остается только следовать по ней твердо и неукоснительно.

Но… Что-то случилось в сознании автора, и он оборотил свой взор в сторону криминальных романов. Но и здесь не остался незамеченным. По его роману "Женщина по средам" Станислав Говорухин снял фильм "Ворошиловский стрелок", который вот уже двенадцать лет не сходит с экрана, уникальный случай в мировой практике – не бывает месяца, чтобы его не показали два, а то и три раза. По нескольким книгам сериала "Банда" снято пятнадцать серий фильма "Гражданин начальник", который тоже доныне не сходит с экрана.

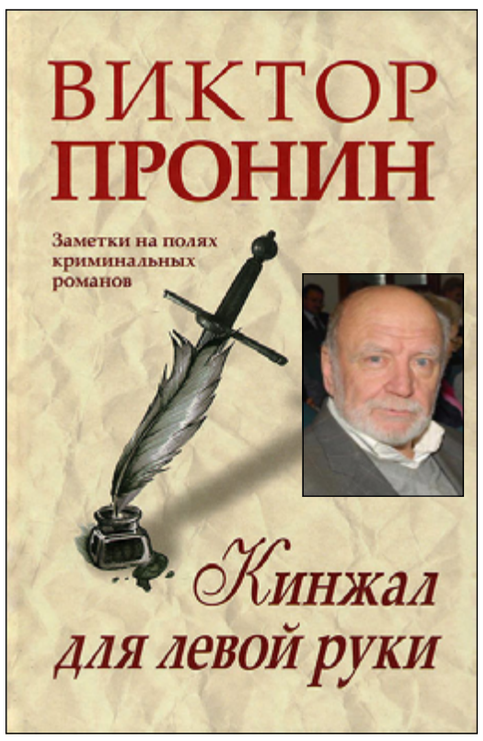
И что? Казалось бы, вперёд, Виктор Алексеевич! Опять перед тобой широкая дорога! И снова что-то происходит с нашим автором… Совсем недавно в Нижнем буфете ЦДЛа он одаривал своих друзей новой книгой, совершенно не похожей на всё то, что написал до сих пор. "Кинжал для левой руки" – так называется эта книга, исполненная издательством "У Никитских ворот". "Записки на полях криминальных романов" – это подзаголовок. А вот что Виктор Пронин сам написал о себе в "Попытке автобиографии", которую озаглавил "Прошу любить и жаловать…". Шаловливая попытка, надо сказать, но она вполне вписывается и в характер писателя, и в его произведения…

"Вырос я в кукурузных зарослях бандитских окраин Днепропетровска, учился плохо, в школе был двоечником, женился на первой красавице города, как она сама мне сказала, закончил горный институт, облазил и описал в газетных очерках все угольные шахты Сахалина, торговал обоями из Сыктывкара, собирал пустые бутылки на Одинцовских тропинках (сдавал на хлеб, молоко и водку), подрабатывал в украинских колхозах разъездным фотографом, за шаловливость и бестолковость был гоним из редакций газет и издательств, был первым пером газеты "Советский Сахалин", журналов "Человек и закон" и "Огонёк", снимал с занимаемых должностей союзных министров и областных прокуроров, вытаскивал людей из тюрем. А также гнал самогон, чеканил по меди, резал по красному дереву, писал картины маслом, служил разнорабочим на заводе, вырастил трёх дочерей, построил дом, издал более двухсот книг (роман "Ворошиловский стрелок" стал моей визитной карточкой), получил кучу литературных премий, звание генерал-лейтенанта казачьих войск, Заслуженного работника культуры России. "За яркий вклад в мировую сокровищницу литературы" (вот так-то, ребята!) Европейской академией Естественных наук (Ганновер) награжден Голубым крестом с Короной, шастал по Курилам и Египту, Стамбулу и Мадриду, включая Севилью, Кордову, Гранаду, Толедо, по Сирии, Вьетнаму и Китаю, влюблялся, пил и плакал…

А записки… Это то, что мне при всём этом подумалось".

А подумалось Виктору Пронину столько всего, что право же можно схватиться за голову. До прочтения этой книги я подумала было, что это новая детективная вещь автора, тем более что в самом названии заключено некоторое коварство. Кинжал для левой руки – это обоюдоострое стальное оружие средних веков. В правой руке шпага, в левой – короткий кинжал. Чтобы сохранить интригу для читателя, не стану до конца раскрывать тайну названия этой книги. Это прекрасно сделал автор в предисловии. Его "оружие" выстрелило и удивило, смею думать, не только меня. Не просто удивило – поразило. В давно знакомом мне авторе, Викторе Пронине, я увидела совершенно незнакомого, неожиданного для меня человека. Надо сказать, что во время чтения, совершенно не предполагая, что когда-нибудь возьмусь за эту статью, я невольно, сама того не замечая, делала на полях книги карандашные пометки. Вот одна из подчёркнутых мною строк… "Люди обычно восхищаются фасадом, а не фундаментом. Но я не о фасаде и не о фундаменте, я о нас с вами, ребята".

Новая книга Виктора Пронина представляется мне именно фундаментом, своеобразной автобиографией, духовной предысторией произведений этого писателя. И не просто фундаментом, а убежищем, где ему спокойно, – там радость его сердца, там он познавал себя. Несмотря на отсутствие единой сюжетной линии, автору удалось выстроить храм своего слова, сердца, собрать в свой высокий дом людей, которые и в жизни-то никогда не встречались, но были всегда объединены в его душе. Здесь и его матушка Людмила Васильевна, читающая вслух книги для всей семьи при керосиновой лампе в конюшне, в которой тогда жили Пронины; здесь и бабка Прасковья Антоновна, которой однажды удалось провести всё милицейское начальство Козельска; его жена Людмила, уходящая в белых туфельках куда-то вдаль по набережной Днепропетровска; их три дочери и многие-многие друзья, знакомые, да и просто случайные люди – попутчики в электричках, поездах, самолётах.



Новое произведение Виктора Пронина представляет собой собрание, свод мыслей писателя, которые не пригодились при работе над очередным криминальным романом, но не остались брошенными, забытыми, ненужными; мысли, которые счастливо посетили его в счастливые моменты работы. Говорю "счастливые", потому что только этим можно объяснить тот захватывающий интерес, с которым читаются все сотни страниц текста. Желание оформить дневниковые записи не назовёшь новаторским, но завораживает тонкость психологического рисунка и в целом произведении, и в его частностях. Казалось бы, нет главного, основного героя, но сам автор мужественно взял на себя эту роль и прекрасно её исполнил. Особенно привлекает искрометная ирония, с которой написана вся книга, она выручает автора в самых щекотливых, деликатных обстоятельствах, которых он касается, а уж ёмкости, точности слова, изящества фразы автору не занимать.

Воспоминания о детстве, юности в книге не хронологичны, они вспыхивают, как в детском калейдоскопе, отдельными картинками, но дают ясное представление о поисках автора самого себя.

Читаем: "Всё, что мне нужно было для жизни, я получил при рождении, я родился уже укомплектованным. Это несчастное, забитое существо надо было просто понять, простить и отстать… Но учителя иначе понимали свою задачу – через колено, но выпрямить меня, чтобы в строю я выглядел неотличимо от прочих. И понадобились десятилетия, чтобы я пробился, вернулся к себе".

Поиск пути к себе! Самый сложный путь, который ожидает человека, но без него творца нет. И втор проходит этот путь. Тайна жизни и смерти, вопросы веры и неверия, любовной страсти, все жизненно важные, немеркнущие для человека вопросы охватил Виктор Пронин в своей книге.

"Зыбкое, едва уловимое ощущение присутствия над собой какой-то силы, чьего-то интереса ко мне. Нечто контролирующее. Оценивающее мои мысли и поступки".

"Самое неприятное в смерти – её неожиданность. А может быть, это её великодушие?".

"Печаль моя светла? А потому и светла, что она безадресна и беспричинна. Чего не скажешь о грусти, а уж тем более о горе".

"Бог присутствует в каждом из нас – Ему так спокойнее. И нам тоже".

В текстах Виктора Пронина подкупает открытость, правда, она нередко даже озадачивает. Иногда думаешь – а надо ли так-то уж обнажать душу, допустимо ли? Но автор каждой своей записью в блокноте как доказывает даже самому себе – только так или никак иначе. Сколько горя и отчаяния в его доверительно-исповедальных словах о смерти жены, о том, что только после ухода она начала потихоньку раскрываться перед ним, для него.

Ещё: "Всё возникает из боли, с самого момента рождения. Всё питается болью. Всё болью и заканчивается. И только изредка, словно кто-то, сжалившись наконец, даёт ненадолго облегчение".

А иногда просто невозможно удержаться, чтобы не рассмеяться в голос: "Наконец, на восьмом десятке, научился ставить запятые перед "и". Почти безошибочно нащупываю местечко во фразе, где запятая уместна. А вы, Елена Михайловна, твердили мне в школе – тупой, тупой! Ошибались, дорогуша!".

Немало страниц уделено в книге фольклору Нижнего буфета ЦДЛа. С предельной щедростью цитирует Виктор Пронин своих друзей. Больше в его книге досталось ближайшему другу, талантливому поэту Юрию Куксову. Кто-то уже подсчитал – более ста раз процитировал его Виктор Пронин.

"– Юра, как ты думаешь, есть ли смысл в жизни?

– Есть! Когда есть, что есть!".

Перепало и женщинам…

"Вольно или невольно женщины воображают себя такими, какими они описаны в книгах, написанных мужчинами. А какие женщины на самом деле, они и сами не знают".

"На жену каждый может орать. Ты попробуй на сантехника голос повысить".

В книге Виктора Пронина довольно часто упоминается Нижний буфет, у меня даже промелькнула догадка – а не здесь ли затаилось уже упомянутое мною убежище, прибежище, берлога автора? Но нет, всё-таки нет. Писатели здесь собираются не только для того, чтобы заверить друг друга в бесконечном своём уважении. Да и взгляд Виктора Пронина остаётся строг и трезв. Да, да, именно, строг и трезв.

"Нижний буфет не столько опьяняет, сколько отрезвляет – от самовлюблённости, иллюзий и заблуждений относительно самого себя".

"Пришёл в Нижний буфет, а там ни одной знакомой физиономии. И что? А ничего. Ничуть не огорчился – сама физиономия Нижнего буфета мне знакома и мила, мне её вполне достаточно. Я уже не один".

А завершить хочу выводом, к которому пришла: мир воззрений писателя Виктора Алексеевича Пронина оказался куда объёмней и глубже возможностей детективного жанра; да, его предыдущие произведения привлекают не только криминальной интригой, но и характерами, душевной составляющей произведения, если можно так выразиться.

В результате и появилась книга "Кинжал для левой руки". Сам писатель уверяет, что не последняя в этом жанре, что будет трехтомник. Дай-то Бог!

А вообще-то о книге лучше не говорить, её надо читать. И перед вами распахнутся двери выстроенного писателем дома, откроются потаённые уголочки его рассудительной, а то и безрассудной (и этого в книге достаточно) русской души.

Но и не обольщайтесь. После внимательного прочтения всех пятисот страниц книги Виктора Пронина, при полной его, опять же безрассудной откровенности, распахнутости, со мной произошло нечто необъяснимое, почти колдовское, – для меня он сделался не просто загадочным, а совершенно непроницаемым. Хотя внешне остался таким же простоватым:

"По ценности человеческих качеств интеллект в моём понимании не поднимается выше третьего места. Впереди всегда порядочность, доброжелательность, добродушие, добросердечие, да и просто доброта".